

УДК 1(091)

В. В. РОЗАНОВ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ЛИТЕРАТУРНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ В РОССИИ*

А. Я. Кожурин

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
ankozhurin@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы показать роль В. В. Розанова в формировании герменевтической традиции в России. Данная традиция, представленная в дальнейшем работами Д. С. Мережковского, Л. Шестова, Н. А. Бердяева и др., приходит в «Серебряном веке» на смену литературной критике, доминировавшей на протяжении XIX ст. (от В. Г. Белинского до Н. К. Михайловского). Она сменяет социально-политическую ангажированность предыдущей традиции на интерес к философским и религиозным аспектам искусства. Первой в данном ряду следует поместить книгу В. В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1891). Она предшествовала целой линии философского достоевсковедения, которая оформилась в отечественной литературе XX в. Кроме того, в горизонте исследовательских интересов В. В. Розанова были произведения и других русских авторов – как поэтические, так и прозаические. В своем исследовании автор опирался на герменевтический и историко-философский методы.

Ключевые слова: В. В. Розанов, литературная герменевтика, понимание, интерпретация, русская литература, мифология.

Для цитирования: Кожурин, А. Я. (2026). В. В. Розанов как основоположник литературной герменевтики в России. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 213-220. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.213-220.

V. V. ROZANOV AS THE FOUNDER OF LITERARY HERMENEUTICS IN RUSSIA

A. Ya. Kozhurin

Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg)
ankozhurin@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to show the role of V. V. Rozanov in the formation of the hermeneutical tradition in Russia. This tradition, which was later represented by the works of D. S. Merezhkovsky, L. Shestov, N. A. Berdyaev, and others, replaced the literary criticism that dominated the 19th century (from V. G. Belinsky to N. K. Mikhailovsky) during the Silver Age. It replaces the socio-political engagement of the previous tradition with an interest in the philosophical and religious aspects of art. The first in this series is V. V. Rozanov's book "The Legend of the Great Inquisitor by F.M. Dostoevsky" (1891). It preceded the entire line of philosophical Dostoevsky studies that emerged in Russian literature in the 20th century. Additionally, V. V. Rozanov's research interests extended to the works of other Russian authors, both poetic and prose. In his research, the author relied on hermeneutical and historical-philosophical methods.

* Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № - ВГ -131) «Формирование духовно-нравственных ценностей и исторической памяти как основы патриотического воспитания и противодействия манипулированию молодежным сознанием в образовательном процессе педагогических вузов»

The research was carried out at the expense of an internal grant from A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (Project No. VG-131): "The formation of spiritual and moral values and historical memory as the foundation for patriotic education and countering the manipulation of youth consciousness in the educational process of pedagogical universities."

Keywords: V. V. Rozanov, literary hermeneutics, understanding, interpretation, Russian literature, mythology.

For citation: Kozhurin, A. Ya. (2026). V. V. Rozanov as the Founder of Literary Hermeneutics in Russia. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 213-220. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.213-220.

Творческое наследие Василия Васильевича Розанова (1856–1919) весьма значительно как по объему, так и по охватываемой в нем проблематике. Оно включает сочинения по психологии и типологии религий (сборник статей «Религия и культура», 1899) и сектантству («Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы)», 1913). Перу В. В. Розанова принадлежат работы, посвященные системе образования в России (сборник «Сумерки просвещения», увидевший свет в 1899 г., содержит ряд идей по вопросам образования и воспитания, сохраняющих свою актуальность и в наше время), и исследование проблематики семьи (двухтомник «Семейный вопрос в России», 1903). Значительное место уделено в его трудах проблематике пола (сборник статей «В мире неясного и нерешенного», 1902). В этой связи В. В. Розанов даже получил прозвище «русский Фрейд», хотя к данной проблематике наш соотечественник обратился параллельно с отцом психоанализа и разрабатывал ее в совершенно другом ключе. Наконец, весьма значительное место мыслитель уделял интерпретации художественных произведений («Литературные очерки», 1899; «Среди художников», 1914), о чем речь пойдет в данной статье.

Как известно, свой творческий путь В. В. Розанов начал с публикации фундаментального трактата «О понимании» (1886). Он имел подзаголовок: «Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». В своей первой работе тридцатилетний автор ставил вопросы, предвосхищавшие онтологический поворот в философии начала XX в.: «Что это такое, что существует этот мир? Т. е. что такое это существование мира, что лежит в мире, отчего он существует, что такое существование само по себе?» [Розанов, 1995б, с. 153]. Любой непредубежденный исследователь тут же вспомнит М. Хайдеггера, но не только его. Отсюда прямой путь к древним грекам – Аристотелю (В. В. Розанов был не только внимательным его читателем, но и первым переводчиком «Метафизики» на русский язык) и даже к досократикам.

В комментариях к письмам Н. Н. Страхова, опубликованным в «Литературных изгнанниках» (1913), он называл в этой связи одного из основателей философии: «Меня прямо бы обнял как любимого ученика грек Парменид за многие страницы главы “О существовании” (проблема о бытии *небытия*) ...» [Розанов, 2001, с. 17]. Со всеми названными авторами нашего соотечественника роднит интерес именно к посюстороннему миру, который оказывается более содержательным, чем любые потусторонности, – стоит лишь непринужденно взглянуть на него. Но чтобы постичь это, необходимо «понимание», которое принципиально отлично от мыслительных нагромождений различных философских систем, заталкивающих реальность в своеобразные рассудочные клетки. Понимание же в той системе координат, которую разрабатывал В. В. Розанов, оказывается выше и науки, и философии. Оно относится не только к человеку, но и к самому миру.

Если брать крупнейших представителей герменевтики на русской почве – помимо В. В. Розанова, к ним следует отнести Г. Г. Шпета и М. М. Бахтина, – то даже при поверхностном знакомстве с их работами можно заметить своеобразное разделение труда. Например, Г. Г. Шпет основной упор делал на методологических аспектах герменевтики,

в то время как М. М. Бахтин – на этических. Это, конечно, не значит, что они не интересовались другими аспектами, но данная проблематика превалировала. Если брать основную сферу интереса, то В. В. Розанов, несомненно, акцентировал онтологическую сторону герменевтики, что, однако, не помешало ему оставить яркий след и в герменевтике литературной, что мы и попытаемся показать в данной статье.

Наряду с пониманием, в герменевтике существует еще один важный аспект – интерпретация, который вступает в непростые отношения с первым. Если рассматривать европейскую традицию XIX–XX вв., то установка на понимание преобладает у Ф. Шлейермахера, В. Дильтея и Э. Бетти, в то время как установка на интерпретацию – в философской герменевтике М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера. Стратегия интерпретации В. В. Розанова наиболее ярким образом реализуется в его работах, посвященных литературе. Показательно, что, будучи одним из самых ярких представителей «Серебряного века» и находясь в тесной связи с большинством представителей этой эпохи, наш герой отдавал несомненное предпочтение русской литературе XIX ст. Это, конечно же, не случайно. Именно русская классическая литература была той почвой, на которой вырос В. В. Розанов как философ и писатель.

В итоговой работе «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» (1918) В. В. Розанов писал: «Русская литература, несмотря на всего *один только век ее существования*, поднялась до явления совершенно универсального, не уступающего в красоте и достоинствах своим ни которой нации, не исключая греков и Гомера их, не исключая итальянцев и Данта их, не исключая англичан и Шекспира их и, наконец – даже не уступая евреям и их Священному Писанию, их “иератическим пергаментам”. Тут дело в самоощущении, в душе, в сердце. Тот век, который Россия прожила в литературе *так страстно*, этот век она совершенно верила, во всякой строчке своей верила, что переживает какое-то священное писание, священные манускрипты ...» [Розанов, 1995а, с. 673].

В свое время Н. К. Бонецкая выдвинула на роль основоположника русской герменевтики Д. С. Мережковского [Бонецкая, 2012], подметив действительно важные аспекты его творчества: работу на стыке философской мысли и искусства, своеобразный сплав эстетики, проповеди и художественного творчества, разработку метода проникновения в духовные миры великих писателей прошлого («Лев Толстой и Достоевский», 1901–1902; «Гоголь и черт», 1906; «Поэт сверхчеловечества – Лермонтов», 1909; «Две тайны русской поэзии (Некрасов и Тютчев)», 1915). Все это, конечно, так, как и то влияние, которое произведения Д. С. Мережковского оказали на мыслителей «Серебряного века». Следует учесть лишь одно обстоятельство: В. В. Розанов начал все это делать десятью годами раньше, а его влияние на Д. С. Мережковского было очевидно всем современникам. Признавал его и сам автор «Льва Толстого и Достоевского».

Так что отцом русской литературной герменевтики все же следует признать В. В. Розанова. Говоря о практических аспектах герменевтики, а герменевтика – это, в первую очередь, практика [Гадамер, 1991, с. 8], необходимо обратить внимание на его толкование творчества Ф. М. Достоевского. Мы имеем в виду работу «“Легенда о Великом инквизиторе” Ф. М. Достоевского», опубликованную в «Русском вестнике» в 1891 г. Можно сказать, что именно В. В. Розанов становится родоначальником философского достоевковедения [Кожурин, 2017, с. 138-165]. Как бы странно это ни выглядело, но литературные критики XIX ст., бывшие властителями дум нескольких поколений читателей, не могли ничего толком сказать о гениальном писателе. Для них он был «жестоким талантом» (Н. К. Михайловский),

«автором «мистико-аскетических романов» (М. А. Антонович) или, в лучшем случае, певцом «забитых людей» (Н. А. Добролюбов). За мрачным антуражем они не увидели религиозного света, пробивающегося, несмотря ни на что, в великих романах Ф. М. Достоевского.

Если брать литературных критиков позапрошлого века, то у них были свои ограничения. Критика, как правило, имеет дело с современной литературой, она стремится дать оценку актуальным произведениям изящной словесности. Кроме того, следует заметить, что отечественных критиков XIX ст. интересовали классические русские вопросы – «Кто виноват?» и «Что делать?». Соответственно, в литературных произведениях они искали ответы на социально-политическую проблематику. Собственно художественные вопросы находились, как правило, вне сферы их интересов. Та философская мощь, которая потрясает нас в произведениях Достоевского, делая его единственным и неповторимым явлением мировой литературы, была этим авторам абсолютно недоступна. За отсутствием, видимо, органа, которым эту мощь можно было постичь. Свое отношение к данной традиции В. В. Розанов выразил в программных статьях 1891 г. – «Почему мы отказываемся от “наследства 60-70-х годов”?» и «В чем главный недостаток “наследства 60-70-х годов”?»

Пожалуй, единственным, из русских авторов XIX ст., кто интересовался «как сделано» то или иное художественное произведение, какие автор использовал средства при его написании, был К. Н. Леонтьев – идейный наставник В. В. Розанова. В этом отношении показательна его работа «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» (1890), но она прошла практически незамеченной современниками. Уже позднее ряд установок автора этой работы будут воспроизведены представителями «формальной школы». К. Н. Леонтьев, впрочем, недолюбливал Ф. М. Достоевского, который для В. В. Розанова, напротив, выступал в качестве центрального автора, вдохновителя его дискурса и литературного творчества (можно говорить о наследовании по линии «Дневника писателя»). Впрочем, выбор между двумя «наставниками» продолжался на протяжении всего творческого пути В. В. Розанова, и окончательный выбор в пользу автора «Братьев Карамазовых» он сделал только в последней книге – «Апокалипсис нашего времени» (1917-1918).

Позиция героя нашей статьи принципиально отличается как от установок литературных критиков XIX в., так и от позиции К. Н. Леонтьева. С легкой руки В. В. Розанова произведения великого романиста превращаются в излюбленный материал рефлексии сначала русских (можно составить целую библиотеку из посвященных ему работ), а затем и западных философов. Надо помнить, что рассматриваемый нами мыслитель был первым, кто обнаружил в произведениях Достоевского неисчерпаемый клад для философствования. Показательно, что даже его неточности оказались востребованными последующими исследователями. Иван Карамазов назвал свое сочинение «поэмой», но кто же его так называет?

В «Легенде» интерпретатор так характеризовал значение творчества Ф. М. Достоевского: «В эпохи, когда жизнь катится особенно легко или когда ее трудность не осознается, этот писатель может быть даже совсем забыт и нечитаем. Но всякий раз, когда в путях исторической жизни почувствуется что-либо неловкое, когда идущие по ним народы будут чем-либо потрясены или смущены, имя и образ писателя, так много думавшего об этих путях, пробудятся с нисколько не утраченной силой» [Розанов, 1996, с. 28]. Учитывая, в какую напряженную эпоху мы живем, востребованность наследия Ф. М. Достоевского представляется очевидной.

Если брать русскую прозу XIX в., то она всегда находилась в сфере интересов В. В. Розанова-герменевтика. Как указывают исследователи, творчеству Льва Толстого он посвятил больше 30 статей (в собрании сочинений мы насчитали 33). Немалое место в наследии Розанова занимали и другие русские классики: Н. В. Гоголь (к нему, как известно, мыслитель относился неравнодушно, но со знаком минус), И. С. Тургенев, А. П. Чехов. Две статьи, посвященные творчеству Н. В. Гоголя, были помещены в качестве приложений к отдельным изданиям «Легенды» (1894, 1902, 1906). Речь идет о таких работах, как «Пушкин и Гоголь» (1891) и «Как произошел тип Акакия Акакиевича» (1894). В. В. Розанову было важно показать специфику творчества Н. В. Гоголя, особенно в аспекте его отношения к последующему развитию русской литературы. Здесь мыслитель наметил пути дальнейшей интерпретации творчества Н. В. Гоголя в символистской традиции (Д. С. Мережковский, В. Я. Брюсов, А. Белый).

В сфере поэзии любимыми авторами В. В. Розанова были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и Н. А. Некрасов. Творчество А. С. Пушкина – своеобразный воздух русской культуры, без которого невозможна никакая художественная жизнь. Этот воздух не замечаешь, но жить без него невозможно. Еще одна важная точка пересечения творческих установок двух великих деятелей русской культуры прекрасно выражена в статье «Возврат к Пушкину» (1912): «Пушкин всегда с природою и уклоняется от человека везде, где он уклоняется от природы. В самом человеке он взял только природно-человеческое, – то, что присуще мудрейшему из зверей, полубогу и полуживотному ...» [Розанов, 1994, с. 374]. Действительно, А. С. Пушкин оказывается союзником автора «Опавших листьев» в акцентировании внимания на природных аспектах бытия человека.

Переходя к М. Ю. Лермонтову, следует иметь в виду, что В. В. Розанов считал его самым религиозным из всех русских поэтов. Учитывая сущностно религиозный характер творчества автора этой характеристики, неудивительно, что М. Ю. Лермонтова он ставил выше всех остальных русских поэтов. В статье «О Лермонтове» (1916) мы находим следующие строки, посвященные поэту: «Лермонтов был чистая, ответственная душа. Он знал долг и дал бы долг. Но как – великий поэт. Он дал бы канон любви и мудрости. Он дал бы “в русских тонах” что-то вроде “Песни Песней” и мудрого “Экклезиаста”, ну и тронул бы “Книгу царств” ... И все кончил бы дивным псалмом. По многим, многим началам он начал выводить “Священную книгу России”» [Розанов, 1995а, с. 643].

Наконец, Н. А. Некрасов – еще гимназическое увлечение интересующего нас мыслителя. Хотя уже в старших классах данное влияние сменилось другими, В. В. Розанов все же весьма высоко оценивал его поэзию. Во всяком случае, в специально посвященных ей статьях. В «Трилогии» и «Апокалипсисе нашего времени» встречаются и весьма резкие оценки, но они относятся больше к личности и общественному влиянию Н. А. Некрасова. Хотя в «Уединенном» (1912) мы находим и такую характеристику:

«Таких, как эти две строки Некрасова:

“Еду ли ночью по улице темной, –

Друг одинокий! ...” – нет еще во всей русской литературе» [Розанов, 2010, с. 13]. Общей чертой у Н. А. Некрасова и В. В. Розанова оказывается их ориентация на сострадание. Можно сказать, что они – самые великие выразители данного принципа в русской культуре. Единственный, кто может с ними сравниться, – М. П. Мусоргский.

Наконец, обозначим последний аспект. В приводившейся выше статье Н. К. Бонецкая указывает на тему «герменевтика и мифотворчество» [Бонецкая, 2012], которая, с ее точки зрения, выступает в качестве важнейшего элемента герменевтической традиции. Если брать В. В. Розанова, то его мифотворчество несомненно. Более того, он является автором, который самым тесным образом связывает философские, теологические и мифотворческие элементы [Кожурин, 2021]. Мифотворчество В. В. Розанова имеет два аспекта – негативный и позитивный. Первый из них связан с критикой христианства (два сборника по «метафизике христианства» – «Темный лик» и «Люди лунного света», оба изданы в 1911 г.). Позитивный аспект – «фундаментальная мифология», основанная на воскрешении языческого, в первую очередь древнеегипетского мировосприятия.

В «Апокалипсисе нашего времени» В. В. Розанов резко различает и противопоставляет «дела духа» и «дела плоти». «Дела духа» в данной системе координат оказываются чем-то побочным и второстепенным. Напротив, душевно-телесная сторона мира бессмертна и божественна. Человек, неразрывно связанный со всем живым (даже с растениями и насекомыми), этим нисколько не унижается. Еда, питье и совокупление («дела плоти»), которые игнорировались традиционной философией, оказываются не просто обязательным условием существования организма, а священнодействием, ритуалом почитания Бога и богов.

Человек должен отказаться от губительного для всего живого антропоцентризма и склониться перед тайной мироздания. В связи с этим можно отметить две характерные особенности розановской «фундаментальной мифологии», которые резко выделяют ее на фоне всевозможных неомифологических построений XX в. С одной стороны, место антропоморфизма всех видов занимает зооморфизм в духе древних египтян («Из восточных мотивов», 1916–1917). С другой – во всей полноте разворачивается символика стихий: земли, воды, воздуха и огня. Таким образом, телесность «вписывает» человека в мироздание и роднит с различными его ступенями – растениями и животными, богами и «телом» космоса.

Завершая разговор о герменевтических аспектах творчества В. В. Розанова, следует заметить, что он дал мощный толчок развитию целого направления русской мысли XX в. По проложенному им пути развивалась линия интерпретации художественных произведений, представленная Д. С. Мережковским, Л. Шестовым, Вяч. Ивановым, Н. А. Бердяевым, М. М. Бахтиным и др. Речь, в первую очередь, идет об истолковании произведений Ф. М. Достоевского, но не только его. Несмотря на то что со дня смерти В. В. Розанова прошло больше века, его литературная герменевтика продолжает сохранять свое значение и в наши дни.

Список литературы / References

Бонецкая, Н. К. (2012). Д. С. Мережковский: герменевтика и экзегетика. *Вопросы философии*. № 11. С. 97-113.

Bonetskaya, N. K. (2012). D. S. Merezhkovsky: Hermeneutics and Exegesis. *Voprosy Filosofii*. No. 11. Pp. 97-113. (In Russ.)

Гадамер, Г.-Г. (1991). *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство. 367 с.
Gadamer, H.-G. (1991). *The Relevance of the Beautiful*. Moscow. 367 p. (In Russ.)

Кожурин, А. Я. (2017). *Розанов*. [б. м.]: Издательские решения. 414 с.
Kozhurin, A. Ya. (2017). *Rozanov*. [n.p.]. 414 p. (In Russ.)

Кожурин, А. Я. (2021). Философ, теолог и мифотворец В. В. Розанов. *В. В. Розанов: pro et contra, антология*. Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина. СПб.: Изд-во РХГА. С. 7-36.

Kozhurin, A. Ya. (2021). Philosopher, Theologian and Myth-Maker V. V. Rozanov. In *V. V. Rozanov: pro et contra, Anthology*. Kozhurin, A. Ya. (comp., introd. article, comments). St. Petersburg. Pp. 7-36. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1994). *Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1: Среди художников*. М.: Республика. 494 с.

Rozanov, V. V. (1994). *Collected Works. In 30 vols. Vol. 1. Among Artists*. Moscow. 494 c. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1995а) *Собрание сочинений: В 30 т. Т. 4: О писательстве и писателях*. М.: Республика. 734с.

Rozanov, V. V. (1995а) *Collected Works. In 30 vols. Vol. 4. On writing and Writers*. Moscow. 734 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1995б). *Сочинения: О понимании. (Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания)*. М.: Танаис. ХХУ, 808 с.

Rozanov, V. V. (1995b). *Works: On Understanding. (An Attempt to Explore the Nature, Borders, and Internal Structure of Science as a Whole Knowledge)*. Moscow. ХХУ, 808 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (1996). *Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7: «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях*. М.: Республика. 702 с.

Rozanov, V. V. (1996). *Collected Works. In 30 vols. Vol. 7. Fyodor Dostoevsky's Legend of the Grand Inquisitor. Literary Essays. On Writing and Writers*. Moscow. 702 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2001). *Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13: Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев*. М.: Республика. 477 с.

Rozanov, V. V. (2001). *Collected Works. In 30 vols. Vol. 13. Literaturnye izgnanniki [Literary Exiles]: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev*. Moscow. 477 p. (In Russ.)

Розанов, В. В. (2010). *Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30: Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток. 591 с.

Rozanov, V. V. (2010). *Collected Works. In 30 vols. Vol. 30. Listva [Foliage]*. Moscow; St. Petersburg. 591 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Кожурин Антон Яковлевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, e-mail: ankozhurin@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2026

После доработки: 20.07.2026

Принята к публикации: 27.08.2026

Kozhurin Anton – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy at the Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Moika River Embankment, 48, e-mail: ankozhurin@yandex.ru.

The paper was submitted: 13.05.2026

Received after reworking: 20.07.2026

Accepted for publication: 27.08.2026